

Взвешивание - 1998 -
16 июля - а.ч.

КЛУБ

Нужен ли Невежиной свой театр

Эксперт "Золотой маски" Марина Давыдова вернулась из города Сент-Этьена, где закончился Международный театральный форум, посвященный проблемам молодой режиссуры

Любовь к затяжным и по большей части пустопорожним разговорам свойственна всем критикам независимо от принадлежности к той или иной стране. Но если в России дискуссии, выступления и прения обычно привязаны к какому-то конкретному поводу (подведение итогов сезона, обсуждение премьеры, разбор некоего театрального конфликта), то на Западе таким поводом запросто может оказаться вопрос метафизического порядка — зачем нужен театр, куда он идет, откуда пришел.

Июльский театральный форум в Сент-Этьене в этом смысле не составил исключения. Предложение ответить (страницах эдак на десяти) на вопрос "В чем состоят проблемы молодой российской режиссуры?" поначалу вызвал у меня приступ раздражения и зубовой скрежет. Из-за отвращения к риторическим вопросам, из-за нелюбви к объединению людей по формальному признаку, наконец, из-за невозможности проиллюстрировать "проблемы" конкретными примерами. В самом деле, в Болгарии, скажем, или Венгрии вам без труда назовут режиссеров 23 — 25 лет, за плечами у которых несколько постановок в профессиональных театрах. В России, стране с устойчивыми геронтофильскими традициями, таких молодых, да ранних, не сыщешь днем с огнем.

Если быть предельно честным, то весь доклад следовало бы уложить в одно незамысловатое предложение — набившую оскомину констатацию об отсутствии в российской театральной жизни молодых режиссеров. Но честность в данном случае — враг точности. Строго говоря, молодые режиссеры в России есть, просто творческая молодость и зрелость смещены у нас по сравнению с Европой лет на 10 — 15. И этот феномен сам по себе оказался проблемой, нуждающейся в осмыслении.

Причины здесь не эстетические, а скорее прозаические. Взаимоотношения режиссера и актеров на русской почве традиционно носят почти родственный характер. Это

отношения отца и детей со всеми вытекающими отсюда семейными ссорами и примирениями. Именно поэтому в России по-прежнему чрезвычайно сильна система репертуарных театров и вообще концепция театра как некоего общего дома. До недавнего времени наш режиссер считался (и считал себя) по-настоящему состоявшимся лишь в том случае, если ему удалось стать главным режиссером, то есть возглавить некий театральный коллектив и вступить с ним в семейные отношения. Понятно, что человеку 25 — 30 лет сделать это практически невозможно. Здесь необходим не только талант, но и человеческая зрелость. Да и реально ли в 25 лет обзавестись в столице собственным театром?

Практика показывает, что заявить о себе удается сейчас лишь тем, кто пытается преодолеть эту традицию. Характерно, что на вопрос, хотела бы она иметь в столице собственный театр, Елена Невежина, единственный молодой режиссер, чей спектакль по пьесе Милана Кундеры "Жак и его Господин" в "Сатириконе" стал событием прошедшего сезона, твердо ответила — нет. Нехитрая мысль, что встреча с новыми людьми и разными типами артистов есть положительный опыт, что на своих артистах очень часть притупляется глаз, по всей видимости, и окажется для нее спасительной.

Дело, однако, не только в личной склонности Невежиной к путешествиям и познанию непознанного, но и в процессах, носящих общеевропейский характер. Современный режиссер вообще существует в своем довольно замкнутом мире и впускать в этот мир посторонних не особенно расположен. Он запрограммирован не на человеческие, а в первую очередь на профессиональные отношения с артистами. Лет 20 — 30 назад между сценой и жизнью существовала неразрывная связь. Режиссеры пытались экстраполировать законы жизни на искусство, они были привязаны к коллективу единомышленников и ощущали свой театр как цитадель высоких эстетических

Фото Виктора БАЖЕНОВА

принципов в мире фальши и социальной несправедливости. Сейчас не в одной России, но, как показал форум, и во всех западных странах молодые режиссеры относятся к театру лишь как к способу самореализации. Театр не хочет влиять на жизнь и широкие массы, он стал достоянием немногих избранных, совершенно особой касты людей, занятых театральной игрой в бисер.

Но концепция театра-дома в действительности является производной от представления о театре как некоем социальном институте, способном преобразовать общество. То, что путешествие из "Сатирикона" в Театр на Таганке, а оттуда в БДТ или, скажем, на Малую Бронную, молодому режиссеру Невежиной не кажется чем-то абсурдным и невозможным, — симптоматично. Не случайно российские театры, имевшие лица необщее выражение, были или остаются связаны с режиссерами старшего поколения. Режиссеры не только

30, но и 40 лет отождествлять себя с тем или иным театром не намерены. Их названия становятся постепенно скорее названиями площадок, чем символом каких-то театральных концепций.

Мне казалось, что всякое рассуждение на заданную тему может носить лишь схоластический характер. Я отправилась в Сент-Этьен, пребывая в уверенности, что болевые точки российской театральной жизни не имеют прямого отношения к театральной жизни Запада. Общение с закордонными коллегами внесло в эти жесткие построения свои коррективы. Оно помогло убедиться, что, несмотря на все расхождения, развитие русской и западной театральной культур по-прежнему подчиняется общим законам и что ставить риторические вопросы и отвечать на них иногда бывает исключительно полезно.

Марина ДАВЫДОВА
На снимке: сцена из спектакля "Жак и его Господин" режиссера Елены Невежиной.

16.07.98

Невежинская Елена